

Ч.Э. СИМОНОВИЧ

**ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
В СУДЬБЕ РОЖДЕННЫХ В 1940-е ГОДЫ
В СССР И ДРУГИХ «МИРАХ» ЗЕМЛИ**

Статья посвящена общим проблемам становления и социализации поколения, появившегося на свет в годы Второй мировой войны (ВМВ). Это поколение пришло в мир в эпоху большой переоценки ценностей и большого переосмысления исторического опыта. Каждое десятилетие проявляло все больше общего в составе и облике ровесников Войны (РВ). Хотя качество жизни людей сильно отличалось в странах «первого», «второго» и «третьего» миров, сходства проявлялись в устремлениях, в мотивации деятельности и поведения людей, при том что, несмотря на различные идеологические подходы, социальные условия жизни в разных странах постепенно сближались и выравнивались. В статье мы сравниваем лишь некоторые демографические характеристики РВ и общие черты их социализации.

Ключевые слова: поколение как укрупненная возрастная когорта; сравнительный анализ социальной истории регионов Земли; демографические характеристики социально-возрастных когорт; внутри- и внешне-политические аспекты подростково-молодежной социализации.

Актуальность и междисциплинарность темы

По мере ускорения изменений в мире изучение поколений людей, в частности живших в XX веке, становится все более актуальным. Россия вступила в этот век, имея три уклада хозяйства, и сегодня она также корчится между тремя типами общества: постиндустриальным в крупных городах, индустриальным в городах

Сымонович Чеслав Эрастович — независимый исследователь, кандидат исторических наук, член Союза учёных СПб.

Адрес: 196655, СПб-Колпино-5, Комсомольский канал, 24/1, кв. 26.

Телефон: (812) 461-06-84. **Электронная почта:** cheslavs@yandex.ru

средних и доиндустриальным, вернувшимся в деревню [15, с. 239–241]. Если бы руководство страны исходило в своей деятельности из того, что население сегодня существует в этих трех «мирах», тема исторических судеб ныне живущих поколений становилась бы и жизненно насущной.

Спор между теми, кто признает и отрицает рост актуальности поколенческой тематики в социальных науках [см.: 27, с. 53 и др.] объясняется тем, что социумы в России и за ее пределами имеют разную предысторию и находятся в разном состоянии. В пользу актуальности темы говорит и её междисциплинарный характер.

Вклад *демографии* в изучение поколений как укрупненных возрастных когорт — базовый [7, с. 3–4]. В данной статье речь идет о *поколении* ровесников Второй мировой войны (РВ) и в ряде случаев — обо всех, рожденных в 1940-е годы.

Историки пишут об этапах развития классов, больших и малых групп, об отдельных людях, не всегда придавая значение их возрастам, поколенческой принадлежности. Даже если речь идет о сравнении «цивилизаций». (Некоторые *социальные философы* — также [см.: 11 и 26].) Лишь в 1990-е годы в академическом Институте отечественной истории и в нескольких регионах страны сформировалось направление «История населения», и в этом русле — описание истории некоторых поколений-когорт [9].

Историко-социологическому изучению поколений посвящена книга В.В. Семеновой — пожалуй, первое современное отечественное исследование, открывающее читателям многообразие методологий западных коллег. Для историка поколений здесь существенно отражение сложности и плодотворности лонгитюдных исследований [27, с. 5–6 и др.]. Но в книге «отсутствуют» ровесники ВМВ. Односторонним представляется преимущественно качественный характер изучения самосознания представителей поколений. Конечно, это важно, ведь не только людей, но и целые цивилизации можно различать по культурным компонентам и их взаимодействию, по характеру представлений и ценностей, поведению, языку... [5, с. 278]. Но без количественных характеристик не ясно место поколения среди других, его состав и т.д.

В одной из публикаций о *культурно-исторической психологии* поколений речь идет о сходстве ведущих типов эмоциональной сферы, исторической памяти, мышления, реактивности и адаптивности, а также об определяющем значении принадлежности к поколению для становления отношений человека с миром. Подчеркивается большее значение принадлежности к поколению, чем к сословию, классу, профессии, особенно — «в эпоху перемен» [41, с. 96] Так ли это? Вряд ли можно с этим согласиться.

«Высота» различий между потомственным рабочим пареньком и юным колхозником 1930-х годов была меньше, чем между ними обоими и молодым русским эмигрантом, воспитанным в кадетском заграничном корпусе или в Христианском институте в Париже. Но что в 1970-е годы поколенческие различия оставались выше социально-профессиональных, это надо доказывать. Тридцатилетний премьер столичного балета и тридцатилетний токарь провинциального заводика были людьми одного поколения. Но мироощущение первого, вероятно, было ближе к тому же у его коллег, чем к мироощущению ровесников из других слоев и классов. И это при развитом социализме! А уж об антагонизмах классовых в досоциалистических обществах и в современной России напоминать не приходится. И сегодня один из руководителей Государственной думы РФ пишет о подрастающем поколении: «...распалась связь времен». Появилась пропасть между детьми богатых и бедных родителей. ... В ...детском сообществе нарастает агрессия...» [39, с. 11].

Для **политологов** смена поколений руководителей высшего ранга — признанный фактор крупных и даже революционных перемен в изучаемой сфере. В то же время политология внимательно анализирует массовые процессы политической социализации.

В 1990-е годы начали появляться работы в области **социальной антропологии**, посвященные определенному поколению [14]. Вероятно, и в **культурологии**, в **искусствоведении**, **языкознании** и т.д. есть простор для более осознанного применения поколенческого подхода к изучению изменений в сферах культуры.

Таким образом, можно говорить о том, что на памяти ныне живущих ровесников Войны в отечественном обществоведении начался поворот к изучению поколений, прежде всего ныне живущих возрастных когорт. Этот поворот начался примерно с 1970-х годов, а с 1990-х оформился в общих чертах.

Не следует пренебрегать и **публицистикой**. Хотя тут бывают и преувеличения, и прямо курьезы. Некий «гуманитарный технолог», якобы славный победами «сделанных» им политиков, говорит о «семидесятниках»: «*Их не было, все знают лишь шестидесятников. Поколение возникает... лишь тогда, когда его появление совпадает с началом новых технологий, связанных с коммуникацией... с управлением, с целым рядом новых способов действия*» [21]. Прочитав такое, ровесник Войны, «семидесятник», невольно призадумается — а был ли он на свете, не зря ли прожита жизнь? Об этом был спор О. Хрустальной с Л. Жуховицким [39, с. 198].

Ученые люди изъясняются мягче: *де-новые коллективные импульсы и идеи являются не в каждом поколении, не каждое реализует свой потенциал, имеет свой дух* [27, с. 43, 46]. Имело ли свой

потенциал, отражало ли дух времени поколение «70-ников», и прежде всего — РВ?

Ответить полно на этот вопрос в рамках статьи невозможно. Определенный шаг в этом направлении сделан не столь давно в журнале «Телескоп» [32, с. 18–27]. В данной статье основное внимание уделено вопросам демографии и социализации РВ.

Вынужденно пренебрегаю вариантами рассмотрения образа жизни и самоощущения *пожилых* представителей поколения. И — соглашаясь отвлеченно с тезисом о более свободных «метатеоретических» временных рамках поколения [39, с. 96], склоняюсь на практике к более четким для историка — демографическим рамкам. Тем более что первоначальный замысел и вариант статьи был связан не со всеми «семидесятниками», а лишь с уроженцами ВМВ [33, с. 414–417].

Демографический аспект

При жизни ровесников ВМВ происходили *следующие демографические процессы*: до второй половины 1960-х годов увеличивались темпы роста населения Земли за счет высокой рождаемости в развивающихся странах при сократившейся смертности.

Эволюция *рождаемости* в XX в. сильно различалась в более развитых и менее развитых регионах мира. В СССР, который по большинству показателей относился к развитым странам, спады рождаемости в результате мировых войн и связанных с ними внутренних потрясений, а также после завершения послевоенных компенсационных приростов выглядят глубокими впадинами на нисходящей линии. И лишь после последнего спада график коэффициента рождаемости приобретает с 1960-х годов горизонтальность на уровне 17–19%. В менее развитых регионах мира спады рождаемости от войн и революций отсутствуют или едва заметны, особенно по сравнению с сокращением рождаемости с 1970-х годов в связи с докатившимся сюда демографическим переходом.

Со *смертностью* было несколько иначе. Рост ее в ходе мировых войн и революций первого двадцатилетия XX в. был сопоставим в двух названных регионах планеты. В то же время потери большинства колоний и «развивающихся» стран от Второй мировой войны были не столь заметны, как в развитых районах. Снижение смертности в десятилетия после ВМВ, напротив, шло здесь гораздо быстрее, чем в развитых районах [40, с. 97].

Существенно отразились на численности и «качестве» ровесников ВМВ прежде всего прямые и косвенные военные потери 1914–1920 годов *в когортах их родителей*. Сокращение рождаемости в годы мировых войн в странах-участницах, например в Германии, достигало 30–50%. В годы ВМВ смертность населения в Англии,

Бельгии, Франции, Нидерландах превышала предвоенный уровень соответственно на 6, 14, 16, 27%. В зарубежной, без СССР, Европе погибло около 10 млн жителей, главным образом из числа евреев и славян, истреблённых нацистами [40, с. 139; 18, с. 16]. Потери от снижения рождаемости в годы обеих мировых войн только в России (СССР) измерялись советским этнодемографом тремя десятками миллионов человек [13, с. 191]. Родителям ровесников ВМВ, прежде всего уроженцам 1910-х годов, труднее иных когорт-поколений оказалось вынести тяготы их века, особенно мужчинам, первыми погибавшим на фронтах ВМВ. В результате на 100 женщин в 1985 г. среди людей в возрасте старше 70 лет в СССР приходилось 40 мужчин, в Европе и Северной Америке — 62 [30, с. 338]. На Западе выжившие фронтовики Первой мировой войны стали «потерянным» поколением. В нашей стране им некогда было углубляться в ощущение потерянности, поскольку пафос социалистической реконструкции затягивал словно вихрь. Не желавших втягиваться в этот смерч Система втягивала силой.

Детская смертность увеличилась во всех вовлеченных в Войну странах (*младенческая*: в Германии на 6, в Бельгии на 13, в Италии на 15 и во Франции на 20 процентов). В славянских же странах из-за оккупации — в несколько раз. *Рождаемость* существенно упала. Только за первые два года ВМВ: во Франции — на 10%, в Германии — на 14–25%, в Румынии — на 15%, в Бельгии — на 20% [28, с. 57].

Возрастная пирамида населения Франции показывает, что самыми неблагоприятными в смысле воспроизводства были годы 1940–1942. Во Франции, выбитой из активных действий в 1940 г., сохранился отчасти мужской контингент 1900–1910-х годов рождения, и тем были снижены косвенные потери 1943–1945 годов. Прирост численности ровесников ВМВ здесь изменялся с 470 тыс. человек в 1941 г. до 570 тыс. — в 1945-м [40, с. 80]. Все зависело от хода войны. На половозрастной пирамиде ГДР за 1983 г. ясно виден большой прирост уроженцев 1940–1941 годов, сокращение — 1942–1943 годов и провал последних двух лет Войны. Особенностью США был *подъем рождаемости* в годы ВМВ из-за быстрого роста военной экономики = занятости. Он длился до 1957 года (!) и прекратился не из-за спада в экономике, а из-за структурных сдвигов в процессе воспроизводства населения [42, с. 53; 19, с. 98].

Годы восстановления были нелегкими в большинстве активно воевавших стран, но демографическая политика, видимо, была более успешной в странах, получивших помощь по «Плану Маршалла». На западе Европы восстановление шло активнее, чем в СССР, Германии и Японии, где поднимавшаяся послевоенная компенсационная волна рождаемости сталкивалась с большими трудностями первых мирных

лет. У нас сказывалась растянутая демобилизация, голод 1946 г., репрессии, но главным образом — огромные потери мужской части населения. В 1950 г. в СССР родилось 4,8 млн человек, тогда как в 1939 г. — 6,3 млн. Послевоенный пик среднегодового прироста населения первой в начале 1950-х годов миновала Европа, за ней — Латинская Америка, Северная Америка [42, с. 46]. В течение двух послевоенных десятилетий страна наша была на подъеме, и это постепенно оздоровило демографические процессы.

В развитых и во многих развивающихся странах наблюдался подъем здравоохранения. Медики, казалось, победили, многие инфекционные заболевания. Медицинская помощь становилась более доступной, защищенной законами, в частности благодаря социалистам во время их контроля над правительствами в ряде стран. За эти 20 лет средняя продолжительность жизни увеличилась не только в развитых странах и СССР (с 62 до 71 лет), но и в «третьем мире» (с 42 до 52 лет) [23, с. 54–55, 211]. Рост средней продолжительности жизни на Западе и в СССР компенсировал снижение уровня рождаемости, и хотя брутто-коэффициент воспроизводства стал ниже единицы, быстрой убыли населения не произошло.

К 1970 г. в СССР в интересующей нас когорте соотношение мужчин и женщин было нормальным. Да и в мире, в частности в Европейских странах, независимо от их участия в Войне, отклонения в данной когорте от примерного равенства полов были редки. Среди советских женщин в возрасте 25–29 лет в браке находились 83%, среди мужчин — 77% [19, с. 276, 121; 36, с. 188, 240]. Количество детей у женщин, рожденных в 1940-е годы, (в среднем 1,88) было меньше примерно на четверть, чем у их матерей, рожденных в 1910-е годы, (в среднем 2,64) [22, с. 739–740; подсчет мой. — Ч.С.].

К началу 1970-х годов репродуктивность женщин-ровесниц Войны уже отчасти проявилась, и можно сравнить ее по трем контрастным регионам мира. В 1970–1971 году среди женщин в возрасте 20–29 лет коэффициент рождаемости составлял в СССР — 302 ребенка на 1 тыс., в ФРГ — около 233, в Либерии — 514 [18, с. 74, 92, 104]).

По оптимистическим прогнозам 1970 года, ровесникам войны предстояло прожить еще лет 45, то есть до 2015 года. Но именно с 1970-х смертность, в том числе среди РВ, поползла вверх.

На возрастных пирамидах *второй половины 1980-х годов* «провалы» в численности 40–44-летних ровесников Войны по сравнению с соседними когортами были особенно заметны в активно воевавших странах: СССР, Польше, Франции. Меньшая разница показателей характерна для воевавших Китая и Австралии и не воевавших Зимбабве и Бразилии. В когорте рожденных в 1942–1946 годы в СССР было к началу 1987 г. чуть больше 11 млн человек, тогда как в соседних

когортах — более чем по 19 млн [19, с. 311, 290 и др.]. *Еще через 10 лет* немногочисленность когорты уроженцев ВМВ и в целом конца 1930-х – конца 1940-х годов становилась менее заметной из-за более быстрого сокращения предшествующей когорты — рожденных в 1930-е годы (см. табл.).

Таблица

Распределение населения по возрастным группам*

Группы населения	Страна и год подсчета					
	Россия, 1998	Болгария, 1997	Велико-британия, 1997	Германия, 1996	Италия, 1996	Япония
Все население, млн чел.	146,3	8,3	59	82	57,4	126
в том числе в возрасте:						
50–54 лет, млн чел.	7 (1944–1948 г. п.)	0,543 (1943–1947 г. п.)	3,8 (1943–1947 г. п.)	4,8 (1942–1946 г. п.)	3,4 (1942–1946 г. п.)	8,5
55–59 лет, млн чел.	7,1 (1939–1943 г. п.)	0,468 (1938–1942 г. п.)	3 (1938–1942 г. п.)	6 (1937–1941 г. п.)	3,6 (1937–1941 г. п.)	8
Удельный вес обеих возрастных групп в населении страны, %	9,6 (1939–1948 г. п.)	12,1 (1938–1942 г. п.)	11,5 (1938–1942 г. п.)	13,2 (1937–1946 г. п.)	12,2 (1937–1946 г. п.)	13

* *Источник:* Российский статистический ежегодник. М., 1999. С. 584 (подсчет % мой. — Ч.С.).

Памятуя о наибольших военных потерях Советского Союза, не удивляемся наименьшему удельному весу когорты 1939–1948 годов рождения в России во второй половине 1990-х. Наибольший показатель Германии, возможно, связан с регулярностью в предоставлении отпусков фронтовикам и большим вниманием со стороны руководства рейха к пополнению населения. Да и по остальным странам показатель превышает российский в среднем более чем на 1/5. Вот почему, обратившись к половозрастным пирамидам населения стран Европейского Союза середины 1990-х годов, не усматриваем провалов в численности ровесников ВМВ, их детей (25–29 лет) и внуков (0–4 лет). Обобщенная разница такова: рожденные в 1941–1945 годы составляли в российском населении 3,6%, а в странах ЕС — 5,7% [25, с. 27, 32].

«Третий» мир имел свои особенности. В 2000-е годы удельный вес ровесников ВМВ составлял примерно: в Аргентине — 3,5%, в Иране — 1,9 %, в Эфиопии — 1,4 %. О военных потерях в первых двух странах говорить не приходится. Так что отличие от главных участников ВМВ — России (5,9 млн ровесников ВМВ, или 3,9% населения) и Германии (4,8 млн чел., или 5,9%) [24, с. 32–35; подсчет % мой. — Ч.С.] — объясняется в первую голову меньшей средней продолжительностью жизни в менее развитых районах мира.

Дети ровесников ВМВ появлялись на свет большей частью во второй половине 1960-х – 1970-е годы. У них, как и у их родителей, тоже были разные шансы выжить, но уже не в связи со всемирной войной, а вследствие разных условий жизни. Показатель младенческой смертности на 1 тыс. родившихся составлял в 1970 г.:

– по социалистическим странам — от 19–25 в развитых странах СЭВ, включая СССР, до 49–55 в Румынии и Югославии;

– по развитым капстранам — от 11–14 в Скандинавии и Японии до 30 в Италии и 58 в Португалии;

– по «развивающимся» странам — от 37 в Кувейте до 133 в Индии [20, с. 696].

Диапазон показателей свидетельствует: до сближения одной из важнейших характеристик не только между тремя «мирами» планеты, но и внутри каждого лагеря государств было еще очень далеко.

Общенациональные кризисы в социалистическом лагере, приведшие к серии катастроф, углубление противоречий в развитии стран «третьего мира», глобальный кризис мирового капитализма — все это быстро приближает население всех трех «миров» Земли к настоящему, а не метафорическому, концу истории. В конечном счете, к этому, как оказалось, подвигало планету людей естественное стремление «жить лучше и свободнее», пронизывавшее светское воспитание, социализацию на протяжении всей Новой и Новейшей истории, особенно в XX в.

О социализации ровесников ВМВ

Поколение ровесников войны испытало на себе влияние нескольких факторов, носивших универсальный характер. Детство многих РВ было достаточно трудным. Рожденные в годы ВМВ (условно — в 1942 г.) росли в суровых условиях, в семьях (или в детских учреждениях), в окружении только что переживших Войну. Можно предположить, что горя и бед в странах тогдашнего небольшого «третьего» мира было также много. Вероятно, переживались они легче, ибо были извечными для мирового Юга. Счастливым исключением, пожалуй, были США, минимально пострадавшие от военных действий и не знавшие разрухи.

На Западе и на Востоке водораздел проходил не только между победителями и побежденными. Иной срез отделял тоталитарные режимы (или их развалины) от стран, не прошедших через этап диктатуры. В литературе есть сравнение судеб института семьи, в том числе семей, в которых предстояло родиться ровесникам ВМВ: национал-социализм использовал напряжение между поколениями, обострившееся после Первой мировой войны и особенно в ходе кризиса 1920 – начала 1930-х годов. Перспективы реванша вдохновляли не столько среднее поколение, прошедшее через ужасы мировой бойни, сколько молодых, коим предстояло воевать и зачинать детей в 1940-е годы. На Востоке большевики до конца 1920-х разрушали надломленную в 1914–1920 годы семью как оплот старых порядков. Но далее и в Германии, и в СССР вожди стали укреплять семью, покоренную политически, как ячейку воспроизводства [8, с. 21–22], физического и духовного, ибо борьба за господство в мире предстояла долгая и кровавая...

Общими были и некоторые ценности, усвоенные с детства благодаря общему культурному наследию. Не во всех «мирах» Земли, но уж в двух — определенно, некоторая часть РВ, как и других, предшествующих когорт, выростала на одних и тех же плодородных пластах литературной почвы. Я не имею в виду Перро, Дюма, Купера и Стивенсона, скорее — классиков и других больших писателей XX века. Например, не Говарда Фаста, а Джона Стейнбека; не Луи Арагона, а Андре Стиля; не Анну Зегерс, а Генриха Бёлля; не Марию Пуйманову, а Юлиана Тувима... Это были художники, открывавшие всемирные горизонты, созидавшие в юных душах представление о всемирном братстве людей и о преступности его разрушения из идеологических соображений.

В 1950-е годы к ровесникам ВМВ в «цивилизованных» странах приходило предвзрослое осознание не только окружающей действительности, но и проблем мира. И войны. Мировоззрение молодых людей формировалось под воздействием таких общемировых факторов, как осознание ужасов нацизма и страх перед атомной бомбой. СМИ внедряли в нас с дошкольных времен рефрены: Стокгольмское воззвание, Пакт мира, подвиг Раймонды Дьен... Лишь через 30 лет мы узнали что-то о сходном миропонимании наших американских сверстников, таких как Нора Уотсон из шахтерского поселка, дочь проповедника, жившего с семьей на пожертвования:

Мне было 12–13 лет [это 1955–1956 г. — Ч.С.]. Я сидела в библиотеке и рассматривала фотографии массовых уничтожений... И внезапно ты понимаешь, что ведь это люди так поступают друг с другом. Ты ходишь в школу, где тебе объясняют устройство бомбы...

Я отвечаю тетушке: «Не хочу, чтобы у меня были дети, раз на свете есть атомная бомба»...

Моя сестра всего на 4 года моложе [то есть 1947 г.р. — Ч.С.], и все же мы принадлежим к разным поколениям.(!) Над ней не тяготел, как надо мной, призрак голода... Для ее поколения особую важность приобрели вещи...

Странно другое: и она... и я ...знаем, что можем внезапно погибнуть... В нашей семье уже несколько человек пострадали от рака. Оказывается, в нашу речушку сбрасывали отходы производства радия... Больше нет почвы под ногами [34, с. 225–226].

Ровесником младшей сестры Норы был Стив Макконелл, сын священника в пригороде Лос-Анджелеса. Беседа записана в 1981 г., когда ему было 34 года. Вторую половину 1950-х он вспоминает так:

Война [Вторая мировая. — Ч.С.] нас не коснулась. Она была в далеком прошлом...

В школе проводили учебные тревоги... К концу 50-х мы прошли через эру бомбоубежищ. ...Это был ходкий товар: «Мам, а нельзя нам устроить на заднем дворе бомбоубежище? С запасами всякой еды. Как для пикника?» Но где-то в глубине шевелилось: а вдруг все это взаправду будет...

В 57-м году запустили спутник, и мое поколение потянулось к техническим наукам. ...Технология решала все [34, с. 227].

Как видим, есть полные совпадения с нашим, совсем другим, но вынужденным реагировать на события в Западном мире, обществом. 9 мая тоже не было у нас «красным днем календаря», и Войну в учебнике давали казенно, а старшие о ней говорили неохотно. Все затмевала общественно организованная и дипломатическая борьба за мир, над которой горько посмеивалось «Армянское радио»: «Третьей мировой войны не будет. Зато будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется...»

Учебных тревог в школе не помню. Но начальная военная подготовка с 8-го класса была. Бомбоубежища были оборудованы, и подразделения гражданской обороны были. Незабываема пьеса Н. Хикмета «Дамоклов меч», кульминация которой — самовольный вылет молодого американца, потерпевшего любовный крах, на бомбардировщике с ядерной бомбой с намерением погубить весь этот несовершенный мир.

И, конечно, врезались с тех пор строки Б. Слуцкого:

*Что-то физики в почете,
Что-то лирики в загоне.
Дело не в сухом расчете,
Дело в мировом законе...*

Все явственнее проступали признаки НТР.

Я уже не говорю о почти дословном совпадении слов Стива с более ранним нашим лозунгом: «Техника решает все!».

...Мы жили похожей в чем-то жизнью на разных берегах. Правда, уже не пропасти, благодаря курсу XX съезда КПСС, но — широкого, быстрого и мутного, из-за идеологов, потока...

Ускоренное взросление ровесников ВМВ в трех мирах имело три разные, но *близкие по силе* причины. В соцстранах на наше отрочество обрушилось знание о преступлениях сталинизма. Для Запада водораздел между юными и их родителями проходил по грани между социальными ограничениями военных лет и бурным ростом доходов среднего работника, расширением социальных функций государства к концу 1950-х.

Вероятно, ускоренное взросление ровесников ВМВ в освободившихся странах могло быть обусловлено новым самосознанием национально-государственного плана, особенно в странах, помогавших своим метрополиям в войне против фашистской Германии и милитаристской Японии. Так, рожденные в 1940-е годы прогрессивные (иных у нас не печатали) поэты из Гвинеи, Уганды призывали народы своего континента к борьбе за единство против неокOLONиализма, грозили буржуа неминуемым рабочим ударом. А один алжирский автор примитивно, в худших традициях советской деревенской прозы 1940-х годов, воспевал самоотверженную мирную битву вчерашнего бойца ФНО, за превращение убыточного виноградарского «совхоза» в прибыльный зерновой [2, с. 295–296, 456]. Пусть это незначительный штрих. О *мировом Юге* мне, историку СССР, говорить трудно. Основательно мнение специалиста: «*Завоевание или получение независимости шло параллельно с начальными этапами урбанизации. 2-й этап последней вверх большинство этих стран в период разочарования и даже “алармизма”, в эклектичные поиски третьего пути, в выбор державы, системы-лидера*» [6, с. 209]. В отчасти сходных условиях проходила урбанизация и в южных советских республиках, в аграрно-индустриальных странах СЭВ, и даже на периферии мирового Запада.

Разоблачение культа личности, небывалый рост производительных сил, обретение независимости — все это создавало общее ощущение радикального разрыва с прошлым и подстегивало веру в свою способность изменить этот мир.

Возможно, наше давнее студенческое недоверие по отношению к критике теорий конвергенции капитализма и социализма было интуитивным поиском объяснения все большего сходства в материально-технической базе, во внешней политике, в демографических процессах, в методах идеологов, в обыденном сознании людей, в судьбах семьи как института, в культурных выкрутасах молодежи... Но в те же студенческие годы мы дружно заучивали: *наступил третий этап общего кризиса капитализма, возникший не в ходе мировой войны, а в*

условиях борьбы прогрессивных сил за мирное сосуществование двух мировых лагерей-блоков; признаки кризиса — рост забастовочного движения в странах капитала, успешная освободительная борьба колоний за независимость; формирование антиимпериалистического движения неприсоединения; опережающие темпы роста экономик стран социализма...

Что в этих формулах было общего с реальным Западом, который первым оседлал НТР и строил общество всеобщего благоденствия? И все же общее, пусть и неназываемое, в двух, а то и в трех «мирах» планеты, было. «Оттепелей» тогда было по меньшей мере две. С детства помню наши нападки на сенатора Дж. Маккарти и его Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Американская «оттепель» приглушила маккартизм. И в социалистическом лагере была советская «оттепель» и ее модификации. Даже в КНР провозглашали: «Пусть расцветают сто цветов!..». И мы узнали о существовании там Революционного комитета гоминдана, Демократической лиги, Обществ содействия демократии, Рабоче-крестьянской партии [10, с. 435–436]. Но как быстро их выдрали с кровавыми корнями во время «культурной» революции... Могла ли в народной Польше без оттепели возникнуть ситуация, когда *«надличностные интересы усиливал синтез религиозно-романтической традиции с социалистическим идеализмом»* [12, с. 201].

Свои «оттепельки» случались даже в странах «третьего мира», где генералы-диктаторы время от времени уступали власть законно избранным президентам... Таким образом, серия «оттепелей» была всемирным феноменом, повлиявшим на судьбы всего поколения.

В такие моменты жизни входящие в нее поколения осуждают Отцов, мирившихся с идеологическими и кровавыми диктатурами и — авансом — превозносят сами себя.

Стив Макконелл вспоминал:

Мне всегда казалось, что наше поколение значительнее и лучше (!) всех, что были до нас. А может, и ... будущих (!). Стоило нам пальцем пошевелить, и происходило что-то новое, и в этом новом мы чувствовали себя хозяевами положения. ... Уж мы-то приведем мир в порядок.

Мы весело проводили время, болтаясь между молочными барами и [летними] «киношками». У всех у нас были форсированные двигатели в машинах. А как же, нам подавай самое лучшее. С этим чувством мы пришли в колледж [34, с. 226].

Это — о первой половине 1960-х, до войны США во Вьетнаме.

Постепенно во всем мире накапливалось ощущение неудовлетворенности, вызванное нараставшим разрывом между ожиданиями и реальностью. Копилось озлобление в беднейших кварталах американских городов. О каком будущем мог мечтать американский ровесник ВМВ

«из неблагополучной семьи» — главарь подростков, ума которого хватало только на то, чтобы не переходить с бандой предел терпения местной полиции? Советские журналы охотно печатали такие материалы [29, с. 223–230]. Такие же обездоленные сердитые подростки встречались и у нас (вспомним хотя бы «героев» книжки Г. Медынского «Честь»), и в любом районе мира.

Бескрайность радужных перспектив, которую испытывали Стив и его ровесники благодаря толстым кошелькам их пап, политически заостренная часть советского юношества ощущала под воздействием обновления нашего общества и предначертаний третьей Программы КПСС — в частности, в области воспитания *«нового человека»*, строителя коммунизма. Правда, смущала медленная перековка немалого числа сверстников, да и в целом — живучесть пережитков прошлого и даже поднимающий голову мещанский эгоизм. Главной трудностью нашей социализации в СССР была, помнится, раздвоенность между верой в изначальную и будущую чистоту социализма и — неудовлетворенностью реальным социализмом. Ведь не говоря об уродливых явлениях обыденности, как можно было верить идеологам-гонителям альманаха «Тарусские страницы» с произведениями Н. Коржавина, В. Максимова и нашего Булата?.. С верой и неверием во встречу с гонимыми авторами мы открывали очередной номер журнала «Юность», чей тираж вырос всего за 6 лет со 150 до 550 тыс. экземпляров [31, с. 191]. Мы уже были *новыми людьми* своего времени, то есть — не старыми. Но идеологам строительства коммунизма нужны были другие новые — чистые, идейные, люди...

В соцстранах Восточной Европы выбор политической позиции осложнялся для молодых РВ противоречием между представлением о навязанности социализма и неоспоримыми его достижениями: *«Человек второй половины XX в. в этом регионе сначала испытывал притягательность утопий и переживал необходимость рвать с традицией. Но развитие оказалось не однонаправленным. Новые общества старели и становились традиционными. Революционность становилась предрассудком. Новое не выполняло всех своих обещаний, отсюда возникла тяга к идеализации утраченного мира»* [38, с. 5–9]. И это повторилось с обратным знаком для нас, ровесников ВМВ, в России, да и в большинстве стран после крушения в них социализма, в 1990-е годы!

Очередное появление термина-идеи «новый человек» сразу в двух «мирах» Земли предвосхищало приближение цивилизации невиданных возможностей. А пока она наступала, выявилось неприятие дряхлевшей действительности частью молодежи. Советские обществоведы 1960-х годов объясняли протестное движение молодых на Западе обездоленностью детей трудящихся, ровесников ВМВ. Цифры

приводились впечатляющие: в США в 1962 г. 60% юношей были заняты физическим трудом, в том числе половина — полуквалифицированным и неквалифицированным; среди девушек таких 14,5% и 13,9% соответственно. Во Франции в 1961 г. около 1,3 млн подростков и молодых людей 14–17 лет пошли работать, не получив среднего образования и профессии [17, с. 7–8].

Волновалось студенчество. Но, видимо, не только отстаивая свои корпоративные интересы. Сказывалась и нравственная неудовлетворенность миром Отцов у части молодежи с психикой неустойчивой, расшатанной пресыщением и рок-нарко-«культурой». Молодежь уходила в себя, в церкви, в том числе нетрадиционные, в «соединение» с природой, в сексуальную революцию, в коммуны. Это были протесты против традиционного распределения ролей в семье, против богатства и служебного статуса как мерила успеха, против социального примитивного конформизма. Искали просветления, самореализации, а не карьеры... [16, с. 159–175]. Советское обществоведение сразу отозвалось: в условиях ускорения общественных изменений, в том числе материальных, культурных, в обществах «массового потребления» новое поколение зачастую не в состоянии утвердить себя иначе ...как путем разрыва с предшествующей культурой. И может доходить до отрицания культуры вообще [4, с. 5–9].

Масштабы молодежной «фронды» в СССР, обостренной десталинизацией и заманчивым обликом Запада в журнале «Америка», были не столь заметны. И информация распространялась о недовольстве молодых у нас и у них по-разному. «Отказники» от мобилизации на американскую войну во Вьетнаме организовывались и заявляли о себе открыто. Восприятие демобилизованными американской действительности конца 1960-х горько выразил автор одного из детективов-бестселлеров: «Если бы я знал, что ждет меня дома!.. Ледяной век... каменный век... бронзовый век... и вот век насилия» [37, с. 93]. Французские студенты, поддержанные активистами из других слоев населения, не дали триумфально завершить политическую карьеру легендарному генералу де Голлю! В головах идеологов новых левых роились идеи создания «нового человека» с новой чувственностью, структурой инстинктов (!), формирования новой экзистенциальной сферы «неотчуждаемого спонтанного самоощущения» с нерепрессивной, человеческой техникой [4, с. 16]. За туманностью формулировок стояли действительные настроения молодежи. Голос плоти обретал смысл чуть ли не политического требования не препятствовать юношам и девушкам ходить друг к другу в общежитиях американских вузов.

А наши борцы против духовной несвободы, против гримас и лжи «коллективизма», вторжения войск ОВД в Чехословакию общались

не столько со своим народом, сколько с западными корреспондентами, потом — со следователями... За неимением свободного доступа представителей разных полов в общежития друг друга и за отсутствием домов свиданий советская городская молодежь устремилась в «турпоходы» по ближайшим пригородам. Как устраивалась сельская молодежь зимой — не знаю.

Итак, общего у молодежи в трех «мирах» Земли было немало, а главное — молодые больше узнавали об этом общем, чем в первой половине века. Достаточно упомянуть о новой форме их общения — Всемирных фестивалях молодежи и студентов. Последнее слово выделяю курсивом.

Развертывание НТР диктовало необходимость высокого уровня общего и специального образования, знания технологий, гуманитарного осмысления их места в обществе, информационного обеспечения.

Предпосылкой самостоятельного будущего новых стран также становилось развитие массового образования, общего и профессионального. Подростки в странах «третьего мира» ощущали это на себе, если только перед их семьями, родами не слишком остро стояла проблема выживания. Исходные возможности здесь были минимальны. В Эфиопии в середине 1950-х годов было 518 школ с 78 тыс. учащихся и один университетский колледж (при населении страны в 20 млн человек). В Ираке 83% населения было неграмотно. Количество учащихся не превышало 5% от всего пятимиллионного населения. В 14 вузах обучалось около 5 тыс. студентов. В Республике Гаити обучалось около 18% детей школьного возраста... [10, с. 386, 670, 734]. Элита развивающихся стран посылала своих отпрысков в университеты Запада и соцстран. Подвижный элемент населения бывших колоний прибывал на работу в бывшие метрополии на непрестижные рабочие места, что через 20–30 лет породило коллизию между нежеланием детей пришельцев выполнять черную работу и неспособностью их выполнять работу чистую. [27, с. 73]. Тут первый и третий «миры» Земли, в частности ровесники Войны, встретились воочию на разных социально-профессиональных ступеньках.

Победа Запада в «холодной» войне во многом была результатом разрушения в СССР с 1958 г. жесткой, выверенной системы школьного образования, выстроенной после революционных экспериментов 1920-х годов для образовательного обеспечения, в частности, индустриализации, коллективизации сельской жизни, и конечно — всесторонней культурной революции. Отечественная социология отдаст должное такой Школе, с ее фундаментальностью, с научением применять знания, с умением искать и выращивать таланты и с главным условием нормальной школьной жизни — дисциплиной поведения. К началу 1970-х с этой Школой было покончено. (И это в то время, когда

на Западе, обеспокоенном советскими успехами в космосе, поднимали свою Школу на новый уровень.) С каждым новым поколением советская школа становилась все разнузданней на переменах и все менее нужной школьникам как место обучения. Перепроизводство образованцев снижало авторитет диплома вуза. Из десятков миллионов спецов с высшим и средним профессиональным образованием меньшая часть фактически обеспечивала технический и социальный прогресс. Остальные заслуженно отставали от квалифицированных рабочих в престиже, во внимании начальства и оплате труда. Начался исход ИТР в рабочие [1, с. 203, 228]. Насущно необходимый результат работы системы ПТУ — создание нового, образованного и высокопрофессионального рабочего — перечеркивался отсталым исходным человеческим материалом, последующей уравниловкой в оплате труда.

В нетехнических сферах главным достоинством специалистов считалась верность режиму, а не профессионализм. Хорошо известные изъяны имело однобокое гуманитарное образование.

Инерция стремления покончить с вековой культурной отсталостью масс угасала. И все же в переломные 1960-е годы советскую систему, в частности школу, можно было еще спасти. Но у поколения руководителей 1900-х – 1910-х годов рождения не было для этого ни ясного понимания происходящего, ни воли. Авангард «шестидесятников» был готов к совершенствованию Системы только в рамках советской легальности. Мы же, ровесники Войны, ни по возрасту, ни по статусу достаточного влияния не имели. Да и четкого представления о комплексе назревших реформ — также.

Итак, из формативного периода ровесники ВМВ вышли *внутренне* более свободными, чем их родители в 1930-е годы. Более образованными. Мир был добрее к ним. Угроза большой войны отступала. Кризисы преодолевались. Войны в «Третьем мире» не развернулись тогда еще столь широко, как впоследствии. Главной выгодой для стран этого региона было существование двух блоков, между коими можно выбирать, — и стране, и партии, и отдельному человеку...

...А вот у человечества в целом, и у его части — ровесников ВМВ — выбора не было. Логика событий, инерция предшествующей истории, иллюзорное политическое сознание государственных лидеров, эгоизм интересов их бизнес-кукловодов — все это влекло «миры» Земли в непредсказуемое тогда, в 1960-е годы, будущее, ставшее сегодня настоящим. Для ровесников Войны — итоговым этапом их личной и коллективной биографии. Не нам, РВ, самим оценивать наше место, роль в цепочке поколений. Но попытки размышлять об этом естественны для обществоведов и нашего поколения. Пусть — отрывочные, далеко не исчерпывающие, как данный очерк.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты / Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2008.
2. Африка. Литературный альманах. Вып. 7. М.: Художественная литература, 1986.
3. *Баранов А.В.* Человеческие ресурсы модернизации России // На перепутьях истории и культуры / Под ред. В.Б. Голофаства. СПб.: СПбФ Института социологии, 1995.
4. *Баталов Э.Я.* Философия бунта (Критика идеологии левого радикализма). М.: Политиздат, 1973.
5. *Бэзби Ф.* Общие принципы цивилизационной компаративистики // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М.: Аспект Пресс, 1998.
6. *Галич З.Н.* Город и урбанизация на Востоке в переходные эпохи мировой истории // Цивилизации. Вып. 8. М.: Наука, 2008.
7. Демография поколений. М.: Статистика, 1972.
8. *Дорохина О.* Мы все — одна семья. Повседневные ценности в стратегии и тактике авторитарных режимов // Родина. 2008. № 6.
9. *Жиромская В.Б.* Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект, 1946–1960 // Отв. ред. Ю.А. Поляков; РГГУ, ИРИ РАН. М.: РГГУ, 2009.
10. Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М.: Госполитиздат, 1957.
11. *Ильин В.* Россия в сообществе мировых цивилизаций. М.: КДУ, 2009.
12. *Кара-Мурза С.* Россия и Запад. М.: Академический проект, 2011.
13. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М.: Наука, 1969.
14. *Коровицына Н.В.* Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М.: Логос, 1999.
15. *Костина А.В.* Массовая культура как культура диалога // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. М.: Наука, 2006.
16. *Левикова С.И.* Молодежная культура. М.: Вузовская книга, 2002.
17. Молодой рабочий. (Ученые записки Свердловского и Нижне-Тагильского пед. ин-тов.) Сб. 43. Нижний Тагил, 1966.
18. Народонаселение стран мира: Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланиса. 2-е изд. М.: Статистика, 1978.
19. Население мира: Демографический справочник / Сост. В.А. Борисов. М.: Мысль, 1989.
20. Население СССР. 1988. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989.
21. Петербургский Час пик. 1999. № 46.
22. *Переведенцев В.И.* Россия: демографическая кривая // Россия в многообразии цивилизаций. М.: Весь мир, 2011.
23. *Россет Э.* Продолжительность человеческой жизни. М.: Прогресс, 1981.
24. Россия и страны мира. 2010. Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2010.

25. Россия и страны — члены Европейского Союза. Статистическое сравнение. 1990–1996. [Люксембург], 1998
26. *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: Книжный дом «Университет», 2003.
27. *Семенова В.В.* Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.
28. Советское здравоохранение. 1945. № 4–6.
29. *Солсбери Г.* Взбаламученные // Иностранная литература. 1961. № 7.
30. Социология. Курс лекций. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.
31. *Стровский Д.Л.* Отечественная журналистика новейшего периода. Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
32. *Сымонович Ч.Э.* Об изучении возрастной когорты российских ровесников Великой Отечественной войны // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012. № 2.
33. *Сымонович Ч.Э.* Ровесники Второй мировой войны в трех мирах — разные судьбы поколения // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике. 6–9 ноября 1999 г. Становление мира как «общего дома» человечества. Краткое содержание докладов / Под ред. Б.Н. Комиссарова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.
34. *Теркел С.* «Хорошая война». Устная история второй мировой войны. Фрагменты книги // Иностранная литература. 1985. № 10.
35. *Урланис Б.Ц.* История одного поколения (социально-демографический очерк). М.: Мысль, 1968.
36. *Урланис Б.Ц.* Избранное. М.: Мысль, 1985.
37. *Чейз Дж.Х.* Каменные джунгли. Л.: Лениздат, 1991.
38. *Шацкий Е.* Утопия и традиция / Пер. с польск. М.: Прогресс, 1990.
39. *Швецова Л.* Детствосбережение // Литературная газета. 2012. № 31 (6379).
40. *Шелестов Д.К.* Историческая демография: Учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1987.
41. *Шипулина Н.Б.* Поколения в истории: психология и характерология // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. Материалы научной конференции. СПб: Нестор, 2004.
42. *Штемпель Д.* Население мира в 2000 году: численность, рождаемость, продолжительность жизни / Пер. с нем. с сокр. Г.Ш. Бахметовой; Науч. ред., авт. предисл. и примеч. А.Я. Кваша. М.: Мысль, 1988.